

пушками, мушкетами и пиками. Преодолев смертоносный отрезок пушечного обстрела ядрами, конница вошла в контакт с русской пехотой. И неожиданно подверглась атаке с тыла эскадронами князя Меншикова, ранее отошедшего на правый фланг. Кавалеристы едва успели развернуться навстречу новой опасности....

Но именно в эти мгновения в битве наступил решающий момент. Предел человеческих возможностей был достигнут, шведы более не могли выдерживать страшное напряжение. Все произошло внезапно... Шведы дрогнули, повернулись спиной к казалось уже неизбежной смерти и побежали... Вначале один, затем несколько, и через считанные секунды буквально на глазах оторопелого командования, батальоны начали рассыпаться. Теперь обезумевшими шведскими солдатами руководил только инстинкт самосохранения...

Один из чудом уцелевших шведов, некто Г. Шернъельм, впоследствии, вернувшись на родину, так передал ощущения этих мгновений:

*Мы отступаем, чести больше нет,
Приказ уже не властен,
Никто уже не слышит крика «Стой!»
И ни о чем не помнит.
Нет мужества и силы, лучший тот,
Кто бежит быстрее.*

Крики "Стой" раздавались из перекошенных ртов командиров, пытавшихся вразумить бегущую толпу. Генерал Левенгаупт чуть ли не за руки хватал обезумевших от ужаса солдат. Еще малочисленные группки кавалеристов отчаянно, но безнадежно насккивали на неудержимый строй русских. Все было тщетно. Русская пехота и конница вонзались в расстроенные порядки шведов, просачивались сквозь зияющие провалы, обходила с флангов и все время стреляла, стреляла, стреляла... Всех охватило безумие битвы... Победенные сотнями бежали, падали и умирали, победители догоняли и убивали. После, на месте битвы и вблизи редуты